

Амнезия

Рассказ

Лужинский Вадим среди деревенских мальчишек был лидером. Во-первых, в силу того, что он был старшим по возрасту, во-вторых, ему самому нравилась эта роль, и, в-третьих, он обладал определёнными качествами, благодаря которым мальчишки тянулись к нему. В деревне были парни и старше Вадима, но они с младшими по возрасту не особо общались, потому что считали себя почти взрослыми.

Вадим был парёнком роста среднего, крепкого телосложения, светловолосый. Он был старшим в многодетной семье Якова Ивановича и Анны Прокопьевны. Кроме него в семье было ещё три девочки и мальчик.

Дом у Лужинских – большой: пятистенок с двумя просторными комнатами, и ребяташки часто собирались «у Вадьки», прежде чем идти играть на улицу. Как правило, Вадим сам определял, где сегодня играет вся компания. Чаще всего шли на реку. Летом там купались, причём Вадим всегда придумывал что-то интересное и не всегда безопасное. Так, например, однажды он предложил соревнование «проплыть под плотом». Плот деревенские мужики сколачивали, чтобы жители деревни могли переправляться на другой берег. Для этого с одного берега на другой протягивался металлический трос, закреплялся с помощью вбитых на обоих берегах брёвен и натягивался. На плоту вертикально устанавливался деревянный столб из крепкого бревна, благодаря которому плот не сносило вниз по течению реки (столб упирался в трос и не позволял уплыть плоту). Человек, которому было нужно переправиться на другой берег, заходил на плот, становился рядом с металлическим тросом и обеими руками тянул его на себя, перебирая руками по тросу. Таким образом, нехитрое сооружение передвигалось с одного берега на другой. На таком плоту перемещали не только людей, но и разные грузы, например, даже лошадь с телегой.

Однажды Вадька с пацанами на плоту приплыл на середину реки. Там он разделся, прыгнул в воду, подплыл к краю плота, нырнул под него и вынырнул с противоположной стороны. Влез на плот и крикнул:

– Кто ещё так может?

Мальчишки по очереди прыгали в реку и подныривали под плот. Когда очередной участник скрылся под плотом, Вадим потянул трос и крикнул остальным, чтобы помогали ему. Плот двинулся в сторону, куда нырнул мальчишка. Скорость движения плота и движения мальчишки под водой примерно была одинакова. Тот вряд ли мог обогнать плот, чтобы вынырнуть. Но вода была очень чистая, а деревенский хлопец быстро соображал. Он на секунду остановился, увидел, что плот движется, и вынырнул с другой стороны.

После этого случая мальчишки перестали слепо доверяться всем призывам Вадима, но он по-прежнему оставался заводилой. Мальчишку, над которым так подшутил Вадим, звали Алёшей, но приятели между собой его называли «Писателем», опять же с лёгкой руки Вадима. Лужинский был старше Алёши на четыре года, но это не мешало им дружить. Вадим иногда даже прислушивался к мнению Писателя.

Писателем Алёшку стали называть ещё в начальных классах: когда он пошёл в школу, то был единственным из сверстников, кто знал все буквы и даже немного читал. К тому же он брал в школьной библиотеке книги, предназначенные для учеников старшего возраста, из-за чего учительница Федосья Васильевна иногда высказывала неудовольствие. Он легко запоминал стихи разных поэтов и часто цитировал их. Особенно ему нравилось удивлять окружающих, читая по памяти главы из «Евгения Онегина» Пушкина или всю поэму «Мцыри» Лермонтова. Уважение со стороны Вадима Писатель заслужил после одного случая. Как-то Вадим в ненастный дождливый вечер зашёл к Алексею с просьбой пойти вместе в соседнюю деревню к однокласснику Шурке Антонову.

– Зачем тебе Шурка?

– Нам задали сочинение на тему «Лермонтов на Кавказе». Завтра сдавать, а я ничего не написал. Возьму у Шурки тетрадь и перепишу, чтобы особо не париться. Чуть-чуть изменю только.

– Не надо ходить к Шурке. Промокнем оба. Давай я сочинение напишу, а ты своим почерком в тетрадку перепишешь.

– Откуда ты знаешь про «Лермонтова на Кавказе»? Ты же в четвёртом классе учишься.

– У бабушки есть учебники по литературе для старших классов – от моего дяди остались. Я уже прочитал все учебники от корки до корки, многое помню, тем более про Лермонтова. Давай лучше сами писать будем.

Через полтора часа сочинение было написано, Лужинскому оставалось только переписать. Каково же было удивление Вадима, когда его в классе похвалила учительница, сказав, что несмотря на грамматические ошибки, тема полностью раскрыта.

Но иногда Вадька предлагал нечто такое, что не особо нравилось Писателю. Однажды во время летних каникул он позвал Алёшку «собирать крыжовник».

– На пришкольном участке крыжовник созрел. Нам сказали, чтобы в понедельник пришли в школу – собирать его и варенье варить для школьных праздников. А мы с тобой раньше туда наведемся и соберём для себя.

Такая идея была совсем не по душе Алёшке, он сначала согласился, но, придя на пришкольный участок и сорвав несколько ягод, сказал, что кусты очень колются, и он не будет больше собирать.

– Я пошёл. На реке тебя подожду.

Но Вадька тоже прекратил собирать и пошёл вместе с другом купаться. По дороге он ворчал на Алексея:

– Да, Писатель, с тобой каши не сваришь. Может тогда у Васьки Максимова огурцов из парника нарвём? У него уже созрели. Я вечером заглядывал, даже сорвал парочку.

– Ты забыл, как он за тобой бегал по всей деревне, когда мы на рождественские колядки у него поленницу дров по улице разложили. Если бы ты за сугробами не спрятался, а потом в поле не убежал, он бы тебе жару задал.

– Так ведь сейчас лето, все на работе, дома у них никого.

– А тебе понравится, если на вашем огороде кто-нибудь похозяйничает?

– У нас огурцы ещё не созрели. Они не в парнике.

– А в городах огурцы и вообще любые продукты можно в магазинах купить.

– Да, в городах другая жизнь. Там пацаны не вкалывают во время каникул в колхозе. И пешком можно не ходить, люди на автобусах и троллейбусах ездят. Я из деревни, как школу закончу, обязательно уеду.

Алексей, будучи мальчиком начитанным, иногда подкалывал своих сверстников, вставляя в разговор незнакомые для них слова. Однажды,

работая на уборке сена в лугах вместе с другими мальчишками, он не совсем удачно подшутил над ними, и его решили проучить.

– Хотим сегодня поколотить Писателя. Совсем зарвался, – сказали они Вадиму. – Надо тёмную ему устроить после работы. Заманим его в лесок и отмутузим. Ты с нами?

Вадиму лидерство терять не хотелось, и он согласился:

– Ладно. Надо только, чтобы мужики и бабы не увидели. А жаловаться он не будет. Но и вы до крови не бейте. Я сам всё организую.

Через полчаса Вадим выбрал удачную минуту, подошёл к Алёшке и тихо сказал:

– Домой пешком не ходи. Когда работу закончим, садись в телегу моего отца, там место будет, я не поеду с ним. Скажешь, что зубы болят, мочи нет. Иначе пацаны тебя побьют. А завтра всё забудется, а если нет, я улажу.

– Галилео Галилея за то, что много знал, сожгли на костре, а меня всего лишь поколотить хотят. Мельчает общество...

Тем не менее, Алёшка послушался старшего товарища и сделал, как тот сказал, а назавтра было много работы, и ребята забыли, что хотели проучить Писателя.

Вечерами мальчишки и девчонки ходили в клуб, в соседнюю деревню смотреть кино. Иногда зимой, в метель или в сильный мороз никто не соглашался идти с Вадимом в клуб, тогда он шёл к Алёшке, и они вдвоём топали в деревенский клуб смотреть фильм.

После местной восьмилетки Вадим стал учиться в средней школе, которая была километрах в двадцати от дома, поэтому он всю неделю жил в школьном интернате и только на выходные приходил в родительский дом. После окончания школы он поступил в высшее военное училище в Ленинграде. В школе учился на троечки, из предметов хорошо знал только историю, но благодаря настойчивости, с которой он убеждал начальника местного военкомата, и хороших физических данных, ему выдали целевое направление от районного военкомата для поступления в Ленинградское высшее зенитно-артиллерийское училище. Теперь он был курсантом.

Писатель в это время учился в школе, сначала в восьмилетней, затем средней, но дружба их продолжалась. Иногда Вадим присылал Алёшке короткие письма, на которые тот, в свою очередь, отвечал подробными посланиями. Друзья встречались в родной деревне во время зимних и летних каникул. Оба занимались спортом, Вадим спортивной гимнастикой

и борьбой, Алексей лыжами и футболом. Вадим всегда нравился девушкам своей распахнутостью и чудачествам, он легко знакомился с ними и быстро расставался. Алексей же был нерешителен по отношению к девушкам. Поэтому Вадим обязывал своих девушек приходить на свидания с подругами, желательно помоложе, чтобы знакомить их со своим другом. Он же проводил с Писателем «теоретические занятия» на предмет, как обращаться с девушками, рассказывая младшему другу, что «надо брать быка за рога» и не смущаться, если девушка откажет, а быть всегда независимым от женских желаний и капризов.

Но этот период у Вадима быстро закончился. Когда он учился в школе, ему нравилась девочка Тоня из соседней деревни. Её все называли Тонька Моряк. «Моряк» – это не фамилия, а прозвище её отца, которое с лёгкой руки одноклассников закрепилось и за ней на всю жизнь. Тоня была скромной и очень симпатичной. У неё были большие выразительные глаза и тёмные длинные волосы. Она знала, что нравится Вадиму, сама была в него влюблена, и когда он, будучи курсантом, стал регулярно писать ей письма из Ленинграда, а приезжая на каникулы, старался видеть её как можно чаще, то все в округе решили, что это хорошая пара, и свадьба не за горами. Теперь, если они шли куда-либо вместе, Вадим на виду у всех держал Тонию за руку, а это, по деревенским меркам того времени, мог делать только жених. Вадим жениться не отказывался, но попросил Тонию подождать, пока он закончит училище. На эту тему он даже с родителями Тони договорился. Она тоже призналась им, что Вадьку любит и будет его ждать. Прошло четыре года учёбы в Ленинграде. Вадим по окончании училища получил назначение в Южный военный округ и ему, как и всем новоиспечённым лейтенантам, дали месяц отпуска, после которого молодой офицер должен прибыть в свою воинскую часть для прохождения службы. Все полагали, что теперь самое время для свадьбы. Но Вадим не спешил свататься. Тоне он объяснял ситуацию так:

– Ты представляешь, я еду в воинскую часть, в степь, где нет условий для семейной жизни. И потом в предписании, выданном училищем, написано, что прибуду один, как не семейный. Тем, кто обзавёлся семьёй и едет к месту службы с женой, дают другие направления. Подожди немного, начну служить, через год – поженимся.

– Вадим, я ждала тебя четыре года. Мои подруги все замуж повыходили, а ты мне предлагаешь ещё подождать? Надо мной люди смеяться будут. Я тебя люблю, но мы должны определиться, как дальше,

вместе или нет. Или ты считаешь, что претендентов нет, чтобы быть моим мужем, то заверяю тебя – ошибаешься.

Вадим знал, что воздыхатель у Тони есть, и он давно был к ней равнодушен, это Василий Перепёлкин, механизатор из соседнего колхоза. Но Вадим решил, что Тоня будет ждать его – ведь любит, а если любит – ещё подождёт. Так он и матери своей ответил на упрёки, что он ставит «девку в нехорошее положение». Анна Прокопьевна выговаривала сыну:

– Не осрамил, понятно, но и чести не добавил. Вот уведут Тоньку, тогда локти кусать будешь.

Но Вадим беспечно проводил свой отпуск с друзьями, которые шутили над офицером:

– Наверное, придётся тебя, Вадим, на аркане вести под венец. Говорят, ты упираешься. А чего? Родители у Тоньки люди не бедные, пообещают нам ящик водки, мы тебя скрутим – и в ЗАГС.

А как-то у сельского магазина Вадим столкнулся с Перепёлкиным. Василий попросил Вадима отойти в сторону и поговорить.

– Чего тебе? – спросил Вадим соперника.

– Послушай, Вадим, отпусти Тоню. Ты зачем её мучаешь? Ни себе ни людям.

– Я её не держу! – вскипел Вадим. – Как вы меня все достали. Забери, если сможешь. А нравоучения оставь, а то ненароком в глаз получишь.

На этом и закончился их разговор. Может бы всё сложилось по-другому, так как в тот же вечер Вадим решил пойти к Тоне и принять совместное решение. Жениться так жениться. Но пришёл домой с работы Яков Иванович и рассказал, как на ферме его встретил отец Тоньки, который кричал, что он «задавит паскудину парня, как только встретит».

– Не посмотрю, что офицер. Кровью умоется. Девка моя слезами обливается, а он гуляет и посмеивается.

Вадим выслушал всё это и сказал матери:

– Сегодня не пойду. С ума все посходили. Может, завтра.

Но на другой день сестры Вадима прибежали домой запыхавшиеся и рассказали, что вчера вечером Васька Перепёлкин приезжал с родителями в дом Моряка свататься к Тоньке. И она дала согласие. Свадьба через три дня. Пиво уже варят в обоих домах.

Вадим послал сестёр в магазин, чтобы они купили бутылку водки, поднялся на чердак и сутки сидел в одиночестве, заглушая душевную боль водкой и выкуривая сигарету за сигаретой. Потом сутки спал.

Мать, понимая, что ничего изменить нельзя, только вздыхала:

– Эх, Вадька, Вадька, такую девку упустил. Свадьба так скоро потому, что у родителей Тони всё было готово. Они думали, что ваша свадьба будет. А вышло как? Сам виноват.

В день свадьбы Антонины и Василия Вадим пришёл к своему другу Алексею, который в это время тоже приехал к родителям на каникулы уже как студент. Вадим уговорил Писателя пойти вместе в Челпаново, где в первый день свадьбы родственники и гости гуляли в доме невесты.

– Ты мне должен помочь.

– Чем я тебе помогу? Ты что, Тоню украсть со свадьбы хочешь?

– Нет. Я же офицер. Не будем. Мне просто с ней поговорить надо. В последний раз. Надо снять камень с души. У неё и у меня.

Алексей понимал, что это тот самый случай, когда надо быть с другом. Они прошли по тропинке через поле, перешли вброд речку и поднялись на высокий берег – чуть дальше уже стояли деревенские дома. Парни остановились.

– Иди на свадьбу и сделай так, чтобы Тоня пришла сюда. Придумай что-нибудь, – сказал Вадим Алексею.

– Меня же там сразу побьют Васькины друзья.

– Побьют или нет, это дело десятое. Ты Тоньку приведи. Вопрос жизни и смерти.

Алексей перечитал много книг, в том числе любовных романов, но такой ситуации ни в одном сюжете не встречал. Но другу надо помочь, и он направился к дому Моряка, где шла свадьба. В дом заходить не стал, а попросил бывшего одноклассника, который курил во дворе с другими парнями, вызвать к нему брата невесты – Михаила. С Михаилом они были почти ровесники и хорошо знали друг друга. Тот вышел из дома и подошёл к Анатолию.

– Привет, Писатель! Заходи в дом, гостем будешь.

– Миша, ты только правильно пойми. Дело очень тонкое. От нас с тобой сейчас многое зависит. Тоня выходит замуж, и Вадька с этим смирился. Но он хочет попроситься с Тоней по-хорошему, чтобы зла не держала. Он

сейчас на берегу, ждёт её. Со мной ей идти нельзя, сразу заподозрят неладное. Шепни ей, объясни, что просто поговорить, им обоим легче станет. Гарантирую, что она через пятнадцать-двадцать минут вернётся.

– Эх, Писатель, где он раньше-то был? Не знаю, что и делать. Если батько узнает, прибьёт меня на месте. Он очень зол на Вадьку.

– Ну, возьми меня в заложники. Закрой вон в сарае. Если Тоня не вернётся через полчаса, делайте со мной, что хотите.

– Похоже и в самом деле у писателей голова не на месте. Что мне от того, что тебя Васькина родня отлупит. Говоришь, только попрощаться? Если что пойдёт не так, нам не поздоровится. Ты иди к Лужинскому. Слово с него возьми: двадцать минут, не больше.

– Замётано, Михаил. Надеюсь на тебя.

Тоня, когда ей всё рассказал Михаил, сначала растерялась, снова чуть не расплакалась, но затем взяла себя в руки, сказала жениху, что надо поговорить с братом, и пошла с Михаилом на берег реки.

Вадим с Тоней спустились ближе к реке, а Михаил и Алексеем уселись на перевёрнутую лодку и завели обычный приятельский разговор. Они не слышали, о чём говорили Вадим и Тоня, но видели, что те стараются быть спокойными и по очереди говорят что-то друг другу, медленно идя вдоль берега. Прошло полчаса, может чуть больше. Михаил занервничал:

– Сейчас Васькины друзья хватятся, и получите вы с Вадькой по полной. А мне от батьки достанется.

Но всё обошлось. Парочка остановилась, Тоня обняла за шею Вадима, поцеловала крепко в губы и быстро стала подниматься по направлению в деревню, приподнимая белоснежное свадебное платье. Алексей попрощался с Михаилом, пообещал, что ещё увидятся, и вместе с Вадимом вброд через речку они отправились домой.

Через несколько лет Алексею рассказали, что Василий, возможно, догадался, куда в день свадьбы пошла его невеста, но шума поднимать не стал, веря, что Тоня не сделает ничего дурного.

Через пару дней после свадьбы, на берег реки со стороны Калинино, на тракторной тележке привезли муку для жителей деревни. Мешки с мукой выгрузили на берегу. Плоты на речке уже давно не было. С калининского берега переходили по навесному мостику. По нему местные мужики переносили и муку, каждый свои мешки. Дальше грузили на телегу и

развозили по домам. Мать Алексея заказала два мешка и очень переживала, что «муж на работе, а парень в бане моется, совсем не вовремя».

– Кто мешки через речку по мостику перенесёт? Мужики с телегой ждать не будут.

В это время Вадим был в доме Писателя, пришёл, чтобы сказать, что уезжает к месту службы. Он успокоил хозяйку, попросил не беспокоить Алёшку, пусть спокойно моется, он сам с мешками справится. Перенёс оба мешка сначала через речку, а потом, без всякой телеги, на спине, как заправский грузчик, отнёс их по очереди в дом. Конечно, Вадим при этом весь перепачкался мучной пылью, и мать Алексея отправила и его мыться в баню. Потом они сидели за столом и пили чай из самовара.

– Зачем уезжаешь так скоро? У тебя отпуск ещё не закончился, – спросил друга Писатель.

– На службу опаздывать нельзя, а прибыть раньше не возбраняется. Ты ведь сам всё понимаешь. Не могу больше здесь оставаться.

– Когда теперь свидимся? У тебя же отпуск будет только раз в году.

– И не факт, что проведу я его в деревне. Но почту никто не отменял. Напишу, как буду на месте, а там время покажет. Не потеряемся.

– Слушай, я всё спросить хотел о временах ушедших, помнишь историю из детства, как мы ныряли под плотом. Почему ты именно меня разыграл?

– Так ты был самый сообразительный, и я знал, что сориентируешься. И потом я уже хотел остановить плот, а если надо, и нырнуть под него, чтобы помочь тебе, но ты быстро догадался, вынырнул с другой стороны, и все были довольны.

На следующий день Алексей проводил Вадима до автобусной остановки, и они расстались. А вновь встретились только через два года в подмосковном Нарофоминске, куда Вадим пригласил Писателя на свадьбу. В этом городе Лужинский служил последние несколько месяцев, а как-то раз, будучи в Москве, познакомился с девушкой, и теперь у них свадьба. На следующий день после свадьбы у друзей было время пообщаться, и Вадим рассказал, что ему предстоят заграничные командировки, связанные с выполнением определённых заданий, а в таких случаях, желательно, чтобы офицер, отправляющийся за границу, был женат.

– Таня, она москвичка, из приличной семьи, меня это устраивает. Здесь, в Нарофоминске, я получаю служебную квартиру, оставляю в ней жену, а сам по заданию Родины... Больше об этом сказать ничего не могу. Извини.

В последующие годы Вадим и в самом деле много бывал за границей, в африканских и азиатских странах: Алжире, Египте, Ираке. При последующих редких встречах с Писателем он намекал, что это не только работа в аппаратах военных атташе, но и горячие точки на карте планеты, но где именно, никогда не уточнял. Когда он на какое-то время возвращался на родину, а это был уже не Советский Союз, а Россия, то вместе с женой и дочкой Мариной они проводили отпуск у тёплого моря.

Однажды, в сентябре, когда Алексей был в Москве по служебным делам, он узнал, что Вадим в Нарофоминске, и позвонил ему. Друзья встретились в одном из московских ресторанов. Оба были рады встрече. Вадим был в звании майора, он остался таким же стройным и подтянутым, но волосы его стали совсем белыми. Это седина покрыла всю его шевелюру, точнее то, что от неё осталось. Вадим рассказывал:

– Конечно, если бы я служил в России, то давно был бы подполковником. А получается, что такие, как я, служим для России, скажем так, за её пределами выполняем особые задания, но наградами и званиями нас не балуют.

– Пусть тебя оставят служить здесь. Сколько лет ты уже в таких командировках? У тебя уже дочка выросла. Свой долг перед Родиной ты выполнил.

– Да пробовал я. Здесь, в Москве, в штабе служил, потом какое-то время в Твери, в военкомате. Не моё это. Я же кадровый военный, боевой офицер. Ты, наверное, уже догадался, что я в качестве военного советника в горячих точках работал. Не удивляйся такому выражению, это действительно наша работа. Что касается долга перед Родиной, то офицеры, даже в запасе, должны быть всегда готовы встать в строй.

– Ладно, не кипятись. Скажи лучше, как с английским? Пришлось подтянуть?

– Не то слово. Учить многое пришлось заново. Но разговорная практика помогла, было легче. Кстати, в свободное время много читал. Теперь Гёте с Гейне не перепутаю. А ты, я слышал, и в самом деле писателем стал? Кроме статей стихи пишешь.

– Скажем так, по совместительству. На писательские гонорары не проживёшь. У меня ведь семья. Но в журналах и альманахах печатаюсь. Две книги вышло.

– Когда мне вручишь с авторской подписью?

– В следующий раз обязательно. Я, кстати, слышал, что Тоня Моряк с мужем так и живут в деревне. У них двое детей. Хороший дом, хозяйство.

– Знаю я. Тебе только скажу. Похоже, у меня одна настоящая любовь была. По-молодости не сумел сохранить. Рад, что у Тони всё хорошо. Пусть будет счастлива. Давай выпьем за это.

Когда ресторан стал закрываться, Вадим уговорил друга поехать к нему домой, в Нарофоминск. Они пришли на Киевский вокзал и сели на электричку, но перепутали станции и вышли раньше времени, не доехав до Нары. Посмотрели расписание на платформе и поняли – это была последняя электричка.

Алексей прилёг на деревянную скамейку, что стояла рядом с платформой и заснул. Проснулся утром, когда уже солнечные лучи бликами разбежались по всему Подмосковию. У скамейки стоял Вадим.

– Ты что, совсем не спал? – спросил его Писатель.

– Какой сон. Тебя охранял. Так, прохаживался вокруг скамейки и вдоль перрона. Надо обратно в Москву ехать. У меня там дела.

– У меня тоже.

И на первой же электричке друзья вернулись в столицу.

Прошло несколько лет. Алексей знал, что теперь Вадим в Сирии в звании подполковника воюет в составе группы российских войск. Он уже готовился поступать в Академию генерального штаба, чтобы затем продолжить военную службу, а не выходить на пенсию, но события в Сирии изменили планы. Подполковник Лужинский сам напросился, чтобы его отправили в эту арабскую страну, поскольку у него немалый опыт ведения военных действий. Командование согласилось с его доводами и поручило организацию охраны авиабазы «Хмеймим», где были задействованы десятки зенитных орудий и ракетных установок. Через несколько месяцев Лужинскому было присвоено звание полковника, но Алексей не успел поздравить его. При авианалёте беспилотников полковник Лужинский был контужен, и его комиссовали, как непригодного к воинской службе. Он долго лечился в одном из московских военных госпиталей, но его выписали с диагнозом «антероградная амнезия». Вадим прекрасно помнил всё, что происходило до контузии в его жизни, но не мог запомнить события после контузии. В течении дня он нормально общался с близкими и незнакомыми людьми, но на следующий день не мог вспомнить, с кем и о

чём говорил, куда ходил, кого видел. Он жил с женой Таней в своей квартире в Нарофоминске, а дочка Марина вышла замуж и жила в Москве.

Алексей время от времени звонил другу. В один из разговоров он посоветовал Вадиму завести специальный блокнот, куда тот должен записывать самое важное, что произошло в течении дня. Тогда в последующие дни ему будет легче ориентироваться. Утром встал, прочитал записи в блокноте и уже знаешь, что было в прошедшие дни.

Кроме того, Писатель через младшего брата Вадима – Александра, который тоже был кадровым военным, передал своему другу один из сборников своих стихов.

Дальнейшие события происходили по сценарию, который не вписывался в жизнь военного пенсионера.

Совместное проживание с женой угнетало Вадима. У него и в молодости не было к Тане особых чувств, а сейчас он и вовсе не хотел её видеть. Все его сёстры и брат жили в Ленинградской области, но в разных посёлках и городах. Они ещё в молодости покинули родную деревню и теперь вели вполне городской образ жизни. Вадим бывал у них до контузии, а сейчас решил уехать из Нарофоминска к сёстрам в Ленинградскую область. Решение пришло, когда жены не было дома. Он взял документы, блокнот для записей, сборник стихов Писателя, собрал немного одежды в дорожную сумку и направился на электричку, идущую в Москву. Там он на метро приехал на Ленинградский вокзал, подошёл к военному патрулю, представился, показал удостоверение полковника запаса и попросил помочь ему взять билет и сесть на поезд в Санкт-Петербург. Он и сам всё это мог сделать, но опасался, что жена Таня поймёт, куда он поехал, и бросится его догонять. А под прикрытием патруля, он и слушать её не будет, если она успеет до отхода поезда найти его. Он благополучно добрался до Санкт-Петербурга, а затем и до небольшого города Сосновый Бор, где жили две его сестры Саня и Катя. Сёстры были рады его видеть и разместили в квартире Сани. Вадиму нравился этот небольшой город, который был построен для возведения Ленинградской атомной электростанции. Здесь было много зелёных насаждений, а благодаря Финскому заливу, который не замерзал даже зимой, воздух в окрестностях был пропитан морской свежестью. Днём Вадим любил гулять, потом заходил в местный магазин, покупал продукты по согласованному с сестрой списку, а вечером сидел на балконе, курил и смотрел в сторону залива.

Алексей знал, что Вадим в Ленинградской области, и как только появилась возможность, поехал к другу. В Санкт-Петербурге он встретился с младшим братом Вадима – Сашей, и они вдвоём отправились в Сосновый бор. Были некоторые сложности проехать туда на машине, город атомщиков не предполагает приём туристов, и местное ГИБДД тщательно проверяло, кто, зачем и почему, но всё обошлось.

Вадим был очень рад приезду друга. Пока сёстры накрывали на стол, мужчины вели беседу на балконе, затем в квартире. Алексей обратил внимание на сборник стихов, который он когда-то подарил Вадиму. Книга была сильно потёрта, это означало, что её часто листали. Но лежала она на комодике на самом видном месте. Сёстры поняли, что хочет спросить Писатель, и рассказали, что Вадим читает её каждый день. На следующий день он не помнит, что прочитал, но видит – автор его друг Алексей, и снова читает. Поэтому книга, как говорится, «зачитана до дыр». Когда закончилось традиционное застолье, при котором мужчины выпили совсем немного, Вадим с Алексеем вышли во двор, уселись на скамейку и долго разговаривали.

– Вадим, ты так много повидал, в военном деле прошёл все ступени и все круги ада. Теперь пора мемуары писать. Понимаю, что не со всех воинских операций снята секретность, но можно не называть конкретные населённые пункты.

– Да, повидал много. Но не это главное. Самое главное – армию в России сумели сохранить. Особенно трудно было в девяностые годы. Вооружёнными силами страны президент Ельцин не интересовался, думал со всеми дружить, а армию минимизировать. Офицеры месяцами не получали зарплату, но большинство службу не бросили, остались верными присяге. Если бы наш офицерский корпус тогда изнутри дрогнул, нам бы не выиграть чеченскую войну и войну в Сирии тоже. Нынешние офицеры с нас берут пример, а нам есть чем поделиться.

– В деревню когда поедем?

– Да, это обязательно. Давно на малой родине не был. Надо побывать хотя бы пару дней. На реке посидим, детство наше бедовое вспомним и юность залихватскую. Это моя мечта.

К вечеру Алексей с братом Вадима Сашей собрались в обратный путь. Провожать их вышли не только Вадим, но и семьи обеих сестёр. Алексей попрощался со всеми, обнял Вадима и сел в машину. Он и подумать не мог, что виделся с другом в последний раз.

Вадим больше года прожил в Сосновом Бору. Его жена Татьяна была очень недовольна этим. Он получал приличную пенсию, и ей очень хотелось, чтобы он вернулся к ней в Нарофоминск. Она часто звонила сёстрам Вадима и требовала, чтобы те привезли его. Наконец сёстры пообещали, что привезут Вадима. Но как это сделать? Вадим и слышать не хотел о переезде. Тогда родственницы пошли на хитрость. Они сказали, что Вадиму надо в Москву на очередное обследование, и что они будут его сопровождать. Вадим согласился, но когда по прибытии в Москву они с Ленинградского вокзала поехали на Киевский, он понял, что его везут в Нарофоминск, и очень расстроился. В нём проснулось нечто дерзкое и озорное из детства. На Киевском вокзале он подошёл к дежурному наряду полиции и сказал, что его похитили две авантюристки и везут в неизвестном направлении. Сёстры были задержаны и вместе с Вадимом доставлены в отделение полиции. Там долго разбирались. Наконец начальник полиции принял решение: сопроводить полковника в отставке по месту регистрации в Нарофоминске. Сопровождение и проверка всех обстоятельств на месте были поручены молодому лейтенанту полиции. Он должен был передать Вадима под расписку его жене, с которой по телефону полицейские уже разговаривали. Сёстрам тоже разрешили сопровождать брата до Нарофоминска. Когда все вышли из отделения полиции, лейтенант обратился к Лужинскому:

– Товарищ полковник, разрешите вас попросить?

– Слушаю, лейтенант.

– Вы, пожалуйста, не сбежите от нас. Мне от начальства сильно влетит, если я вас не доставлю в Нарофоминск, в квартиру, где вы прописаны.

– Ладно, что уж теперь. Выполняй, что поручено.

Так Вадим снова стал жить в своей квартире. Ему, как военному пенсионеру по инвалидности, были положены определённые льготы, в том числе два раза в год он мог с женой ездить в санаторий. Но получалось, что каждое утро в санатории он просыпался якобы в незнакомом месте. Для него это был большой дискомфорт, поэтому Таня решила больше не возить Вадима даже в самые престижные санатории и центры реабилитации. По этой же причине они продолжали жить в своей старой квартире, хотя полковник в отставке имел право выбрать для жительства любой регион страны, и ему полагалось достойное жильё.

Так прошло ещё два года. Наступил 2022. В феврале Вадим увидел по телевизору, что началась специальная военная операция на Украине. Он

сразу собрался идти в военкомат, чтобы его отправили на Донбасс. Жене стоило больших трудов убедить его, что это бессмысленно, потому что он инвалид. Она сама крупными буквами сделала запись в блокноте Вадима, что ходить в военкомат бесполезно, и выделила текст красным цветом фломастера. Но судьба распорядилась по-другому.

Через пару недель отставной полковник вечером возвращался домой после прогулки и увидел во дворе своего дома, как трое взрослых парней обступили молодого парня и начали запугивать его. Вадим прошёл бы мимо, мало ли какие разборки у молодых людей, но услышал часть угроз:

– Иначе мы твою е... мать, как суку, по кругу пустим, а шлюху сестру в сексуальное рабство продадим...

Для Вадима слово мать всегда было святое, и он остановился:

– Вы, парни, аккуратнее, матерей не поганьте.

Парни повернулись.

– Ты чего, дядя? Шлёпай дальше, а то не посмотрю, что старпёр, вырублю. Не люблю, когда в мои дела влезают, – проговорил один из них и попытался за плечи повернуть Вадима в сторону дома. – Ступай, старче.

Сработал рефлекс: Вадим борцовским приёмом заломил руку парню и бросил его на землю:

– Не хами старшим. И вообще не хами.

Другой парень с криком «Ну ты попал!» бросился на Вадима, но тот легко сделал шаг в сторону и ударил нападавшего прямо в подбородок. Тот упал, и в этот момент Вадим почувствовал сильный удар по голове и тоже оказался на земле. Это третий парень вырубил Вадима сзади. Лужинский на мгновение потерял сознание, но уже через несколько минут увидел, как полицейские сажают парней в патрульную машину. Кто-то из соседей, увидев, что трое незнакомых парней «грузят по полной» их молодого соседа, ещё до вмешательства Вадима вызвали полицию.

– Вам надо тоже с нами проехать, показания дать. Но сначала в больницу, у вас голова в крови, – сказал один из полицейских Вадиму.

Вадим поехал в больницу, затем в отделение полиции, где неожиданно осознал, что с ним что-то не так. И вдруг отчётливо понял, что к нему вернулась память. Да, он вспомнил всё, что происходило с ним после контузии, и заулыбался.

– С вами всё в порядке? – спросил заполнявший протокол капитан полиции.

– Да, да! Спасибо! Капитан, если это профессиональные вымогатели, занимайтесь ими. А нынешний случай в протоколе не указывайте. У меня к ним нет претензий. Мы с ними размялись немного и всё.

– Вадим Яковлевич, в больнице сказали, что удар по голове был нехилый. Сотрясение не исключают. Нунчаки, как орудие преступления, мы к делу приобщим. А вы отказываетесь заявление писать?

– Да, если можно – я домой.

– Вас отвезут. Если передумаете, приходите в любой день. Данные на ваших «партнёров по разминке» у нас все есть.

Через полчаса Вадим был дома. Он обнял жену и поблагодарил её за терпение. Таня сначала не поняла, что произошло, а когда муж рассказал ей, что к нему вернулась память, заплакала.

Первое, что сделал Вадим в этот вечер, – позвонил своему другу Писателю, затем брату и сёстрам. Он не мог скрыть своей радости.

Через неделю Таня хотела оформлять путёвки в санаторий, но Вадим остановил её:

– Не время сейчас. На Донбассе полномасштабные военные действия. Мне надо туда. Я там нужен.

– Вадим, не надо. У тебя пожизненная инвалидность, тебя и близко к боевой операции не допустят.

– Буду думать. Выход найдём.

Он понимал, что для снятия инвалидности в официальном порядке уйдет два-три месяца, поэтому решил действовать по-другому. Он позвонил Евгению Пригожину, руководителю ЧВК «Вагнер», с которым познакомился ещё в Сирии, когда приходилось согласовывать военные действия с подразделениями «Вагнера» – те занимались охраной нефтяных месторождений.

Пригожин его выслушал и сказал:

– Ты сам понимаешь, мне полковники в своих подразделениях не нужны. В действующую армию тебя тоже вряд ли возьмут. Тебе месяцы понадобятся, чтобы пройти через воинскую бюрократию. Но твой опыт и решительность могут пригодиться на фронте. Есть один вариант: поступить на службу в народную милицию ДНР. Я дам тебе прямой телефон одного руководителя военного ведомства в Донецке. Ты не звони, а пошли ему своё предложение подробным сообщением. Я в свою очередь, тоже напишу ему и дам свои рекомендации насчёт тебя. Но как ты туда

доберешься? Знаешь, сейчас движение волонтеров развито. Из каждого региона фуры идут в помощь Донецкой и Луганским республикам. Думаю, в качестве сопровождающего тебя возьмут, но не сразу. А в Донецке сам ориентируешься.

Несколько недель Вадим Яковлевич работал в штабе волонтеров Московской области, а потом и в самом деле оформился в качестве сопровождающего гуманитарной помощи для Донбасса. Обрато он возвращаться не стал. Его и в самом деле взяли на службу в войска ДНР, именуемые пока народная милиция.

Перед самым отъездом в Донецк он позвонил Писателю:

– Лёша, я на фронт уезжаю. Звоню попрощаться.

– Вадим, дорогой, подожди. Я знаю твой патриотический настрой, но у тебя амнезия была несколько лет. Инвалидность не снята. Да и времени прошло совсем немного, как у тебя память восстановилась.

– Амнезия не у меня. Амнезия у руководителей стран Запада. Это они забыли про Чудское озеро, где их предкам от Александра Невского досталось, о Полтавской и Бородинской битвах, о сражениях под Москвой и в Сталинграде во время Великой Отечественной войны. Они всегда хотели одного, чтобы Россия была слабой, а лучше чтобы её совсем не было. Но мы их били на протяжении веков и в этот раз мы победим. Я должен быть на фронте. Офицеров с таким опытом, как у меня, немного. Надеюсь, буду полезен. Когда вернусь, мемуары ещё напишем вместе. А если сложится так, что не придётся, расскажешь моим внукам, какой у них был дед. Обещай мне.

– Да, но лучше, если ты сам им расскажешь.

В начале мая полковник Лужинский был зачислен в штат армии ДНР и выполнял задания командования по планированию и проведению военных операций на разных участках фронта. Домой звонил очень редко, только в дни, когда его вместе с другими офицерами штаба отправляли в глубокий тыл для отдыха. О службе своей говорил скупо. Да и родные понимали, работа у него такая – родину защищать.

В декабре 2022 года народная милиция ДНР вошла в состав Вооружённых Сил России. Всем действующим офицерам милиции Донбасса были оформлены соответствующие звания Российской армии. С полковником Лужинским получился некий казус. По данным Министерства Обороны России он был в отставке по инвалидности.

Потребовалось вмешательство высших армейских чинов (некоторые однокурсники полковника по военному училищу занимали высокие должности), чтобы утрясти этот вопрос.

Так и получилось, что погоны полковника Российской армии ему вручали вторично. Совершенно седой полковник Лужинский после церемонии объявления, о том, что все офицеры ДНР сейчас становятся офицерами Российской армии, вышел из здания и закурил. Ему хотелось позвонить своему другу Писателю, но телефонные звонки в зоне специальной военной операции были запрещены. Однако можно сделать снимок на телефон и потом отправить. Пусть Писатель и все родные знают: он в строю, он нужен Родине.

Полковник Лужинский погиб в конце января 2023 года. Зима подморозила землю в зоне боевых операций, и российские войска медленно, но неотвратимо продвигались вперёд, сламывая ожесточённое сопротивление украинской армии, которую западные страны усиленно снабжали самым разным вооружением. В пункт управления, где находился Вадим, поступило сообщение, что в одном из перелесков противник бросил самоходную гаубицу больших размеров. Раньше такого оружия западного образца наши бойцы не видели. Если самоходка нам не пригодится, то надо подорвать её на месте (контратаки ВСУ её могут отбить), если нужна, то надо срочно эвакуировать.

Полковник Лужинский, как специалист по оружию НАТО, сказал, что сам выедет на место и, если получится, заведёт двигатель самоходки и доставит её в тыл. Ждать тягача для транспортировки гаубицы было некогда. Лужинский отказался от бронетранспортёра и группы бойцов, на ходу сказав своему заместителю, что бронетранспортёр и взвод могут понадобиться для более серьёзных задач. Полковник сам сел за руль внедорожника, на котором, как правило, ездили в тыл на совещание к командованию, и направился к месту, координаты которого указали по рации бойцы на передовой. Он не доехал всего пару сотен метров, автомашина подорвалась на противотанковой mine. Вадим Яковлевич похоронен на кладбище Нарофоминска. На могиле много цветов. Сюда приходят не только родственники, но и местные школьники.

А в глубинке России, в квартире Писателя, на письменном столе стоит фотография, на которой седой военный с открытым взглядом держит в руке погоны полковника, расположив их в виде буквы V.